

Пробушевал полжизни я,
Другую проволок.
А ты плыви, плыви, ладья,
Куда несет поток.

Средняя и последня строфы так и остаются без изменения; первая зачеркивается и переделывается вновь:

На старой башне, у реки,
Тень рыцаря стоит —
И, лишь завидит челноки,
Приветом их дарит.

В такой редакции, только с заменой слова «тень» прежним «дух», строфа эта и вошла в первопечатный текст (журнал «Галатей» 1830 г., ч. XVIII, стр. 39; цензурная помета—сентября 19 дня), повторенный во всех изданиях стихотворений Тютчева. Так как одна из рукописей перевода—на бумаге 1827 г., перевод можно условно отнести к периоду 1827—1830 гг.

Автограф этот находится в собрании Н. И. Тютчева в Москве и подготовлен к печати К. Пигаревым.

V. Н. П. ОГАРЕВ (1803—1877)

Первый отрывок—перевод из так называемой «Сцены условий» «Фауста»—с начала сцены («Es klopft? Herein!...»), кончая «Проклятием» («Und Fluch vor allem der Geduld»).

Второй отрывок—оригинальное произведение Н. П. Огарева на тему «Фауста» (как «Сцена из Фауста» Пушкина). Романтическая концепция любви излагается Огаревым в его Profession de foi (1835—1836 гг.; см. «Русские Пропилеи», IV, стр. 138—142). Мотив разочарования в возможности осуществления такой любви связан вероятно биографически с историей расхождения Огарева с его первой женой.

Эти рукописи Н. П. Огарева хранятся в Комнате 40-х годов Государственной Публичной Библиотеки СССР им. Ленина в Москве и подготовлены к печати Я. Черняком.

СЦЕНА ИЗ ФАУСТА

Кабинет.

Фауст. Мефистофель.

Фауст

Стучат? Войди! Кто там опять?

Мефистофель

Я.

Фауст

Ну, войди!

Мефистофель

Три раза должен ты сказать.

Фауст

Да ну — войди!

Мефистофель

Так нравишься мне ты!

Поладим мы, надеюсь, меж собою!

Чтоб разогнать твои мечты,

Являюсь я перед тобою —

Одет природным дворянином:

В фуфайке красной с золотой каймой,

В плаще из ткани шелковой,

С пером на шляпе петушиным

И с длинной заостренной шпагой.

Прими ж совет ты от меня:
 Скорей оденься так, как я.
 Потом, исполненный отвагой,
 Со мною отправляйся в путь —
 Значенье жизни развернуть.

Фауст

Во всяком платье, кажется, страданье
 Я жизни узкой стану ощущать;
 Я слишком стар, чтоб только мне играть,
 И слишком молод, чтоб не знать желанья.
 Что может этот мир мне дать?
 Терпеть ты должен и страдать!
 Вот эта песня ввек поется
 И в уши каждому одна
 Всю жизнь звучит, звучит она
 И все хриплее раздается.
 Я с ужасом поутру пробужден,
 Готов заплакать горько от страданья,
 Что новый день я видеть осужден,
 И что не выполнит мне он
 Ни одного, ни одного желанья;
 Что даже мне испортит он скорей
 И самое предчувствие наслажденья
 И кучею разрушит мелочей
 В живой груди возникшее творенье.
 А ночь придет, все так же я
 Взволнован на постель кидаюсь,
 И тут покой бежит меня:
 Я снами дикими пугаюсь.
 Тот бог, который жив в моей груди,
 Меня порою глубоко тревожит,
 Он властвует над силами души,
 Но в внешность их вдохнуть не может,
 И мне существовать — тоска,
 Отраднa смерть, а жизнь горька.

Мефистофель

А все ж, как смерть нас посещает,
 Отрады в этой гостье нет.

Фауст

Блажен, кому она среди побед
 Чело кровавым лавром осеняет,
 Иль после пляски резвой свой привет
 В объятьях девы посылает.
 О если б мог пред силой духа я
 Упасть в восторге без дыханья.

Мефистофель

А кто-то ночью темной сок
 Недавно проглотить не мог.

Фауст

Подсмотрщик ты, я замечаю.

Мефистофель

Не все, но многое я знаю.

Фауст

О! Ежели знакомый, сладкий звук
 Меня исторг из тяжкого страданья
 И обольстил прекрасный дней отзвук
 Остаток детского воспоминанья:
 Я проклиная силу грез,
 Что душу блеском обольщают
 И лестью в эту бездну слез
 Ее безвыходно ввергают.
 Проклятие возвышенному мненью,
 Что дух имеет о себе самом.
 Проклятие явленьям, что кругом
 На чувство нам наводят ослепленье.
 Проклятье лицемерным снам
 И словолюбия мечтам!
 Всему, что нас в видении прельщает—
 Жене и детям, плуту и рабу!
 Маммоне, что богатую судьбу
 Сулит и к смелым подвигам толкает.
 Иль ложе расстилает нам,
 Где ждет нас лени отрада!
 Проклятье соку винограда!
 Любви нежнейшей сладким сном!
 Надежде! вере! К довершенью,
 Проклятье пуще терпенью!

СЦЕНА ИЗ ФАУСТА

Вечер. Улица близ дома Маргариты.

Мефистофель и Фауст.

Фауст

Да, я люблю! О дивное создание! —
 Ты обещался мне ее достать, —
 Держи же слово... и без отлаганья.
 Ступай!.. Постой!.. Еще забыл сказать:
 Хочу, чтобы она меня любила,
 Душой любила б, поняла б меня,
 Чтоб сердцу девушки доступно было
 Все, чем страдаю, наслаждаюсь я.
 Я думал: все равно, во что бы то ни стало,
 Пусть будь она глупа, была б моя...
 Ошибся! Этого теперь мне мало,
 К союзу душ теперь стремлюся я.

Мефистофель

И прав Мефисто! Кто сказал тогда же,
 Что невозможно девочке простой
 Дать наслажденье Фаусту?—Все я же,
 Твой верный друг, слуга покорный твой.
 Я говорил: ей надо воспитанье;
 Глупа—что делать—поискать другой.
 А ты в ответ, мне будто в посмеянье,
 Сказал: «Годится так!»—Нет, доктор мой,
 Я прав! Возьми ее на испытанье.

Сцена из Фауста

Кашиня.

Фауст. Меркуриус!

Фауст.

Стучать? Коуди! Кто там стучит?

Меркуриус!

Я.

Фауст.

Ну Коуди!

Меркуриус!

Три раза должен тв. сказать.

Фауст.

Да ну — Коуди!

Меркуриус!

Тако правился мне тв.

Полодихи мы, надтошь, мени себе!

~~Виде я предстал передь твою,~~

Твоя раукати твою шетю и

Делюю я передь твою —

Вдоть природивши дворянство.

Во французской красной в зрелой кашин,

Во кашин из тканей шелково.

Во кашин на шетю ты шумиши

И во длинной заостренной шпаги.

Примиши севою тв от мени:

Скорь одыше ^{мни} как — я,

Потом, исполненны отвали,

Со мною отприведи во шум —

Значене мени развернуть.

Фауст

Да, да! Родную душу надо мне.
 В ее глазах есть ум, я это видел;
 Ее возвышу я—и в тишине,
 Отбросив все, что в жизни ненавидел,
 Всю прозу мелкой, пошлой суеты
 И черствый сор всех докторских занятий,
 Я с ней войду в прекрасный мир мечты,
 Забудусь в роскоши ее объятий.

Мефистофель

Пора! Ее пойду я поучить,
 Как две души живут в соединеньи.

Фауст

Как! Ты ее мне хочешь воспитать?
 Да разве чорту дам я позволение?
 Ты—женщину учить! Чему же ты
 Ее научишь, гнусное создание!
 Ты черств и жестк. Весь мир твоей мечты
 Есть формула сухая, без желанья
 Прекрасного. Не надо тут тебя,
 Ты математик славный и не боле...
 Лишь я ее возвышу до себя.

Мефистофель

Ученый друг мой, это в вашей воле.
 Вот и она.

Гретхен (тихо проходит и поет)

Увидала, полюбила,
 Полюбила всей душой;
 Глаз с него я не сводила
 И все шепотом твердила:
 Как хорош ты, милый мой!
 Как хорош ты, я сказала,
 Не рассталась бы с тобой,
 Все тебя бы я ласкала,
 Для тебя бы потеряла
 Сердца юного покой...

Фауст

Он здесь, твой друг!

Гретхен

Ах! это вы...

Фауст

Дитя!

Звала меня, пришел я—испугалась.

Гретхен

Опять!

Фауст

Мой милый друг, люблю тебя!
 С тех пор, как ты со мною не видалась,
 Я думал о тебе; хотел взглянуть
 На милый стан, на глазки голубые,
 На плечике главою отдохнуть,
 Лобзать тихонько кудри шелковые.

Г р е т х е н

Ты сладко говоришь, Но вы, друг мой,
Мужчины—вы всегда так говорите,—
Соскучились—и ищите другой
Любви, а ту и знать уж не хотите.

Ф а у с т

Тебя ль любить мне перестать!
Да я дышу тобой,
И целый мир готов отдать
За поцелуй я твой!

Г р е т х е н

О! Еслиб так и в самом деле было.
Тебе я верю, Гейнрих, как дитя.

М е ф и с т о ф е л ь

Я жду. Что ж, ваше докторство, забыли.
Что вы учить хотели не шутя.
Вы цаловаться, нежничать готовы,
Вводить же в мир возвышенной мечты
В помине нет, о нем уж и ни слова.
О! Поцелуй земной, как силен ты!

Ф а у с т

Сейчас, сейчас, спутник мой докучный,
Я не забыл. Всего нельзя же вдруг.

(Маргарите)

Мне тесен город стал пустой и скучный,
Куда-нибудь мы удалимся, друг.
Пойдем туда, на берег синя моря,
На солнце взглянем там в вечерний час
И взором погуляем на просторе,
И говор волн пусть улаждает нас.
Душа в мечтах далеко унесется,
И на высокие стремленья нам
Торжественно природа отзовется.
Я брошу книги. Вагнеру я сдам
Занятье скучное—перед толпою
Учеников понятий строгий ряд
Вытягивать с бездушной пустотою,
Рядить их в схоластический наряд.
Лазурь небес, да очи голубые,
Живую жизнь в природе и любви,
Вот я чего хочу. Часы такие—
Пусть будут лучшие часы мои.

Г р е т х е н

Уехать, Гейнрих, хочешь ты со мною?
Изволь... да разве здесь не хорошо для нас?—
У дома сядем вечерком с тобою,
Я стану прясть и то-то в поздний час
Наговоримся мы, о друг мой милый,
Так просто и доверчиво,—а там
Придет соседка Марта. Все, что было
Поутру в городе, расскажет нам.
Здесь славно! Здесь по праздникам гулянье:
Народу сколько! Мы туда пойдем с тобой.

М е ф и с т о ф е л ь

Ученье плохо, доктор.

Ф а у с т (Маргарите)

Но желанье

Обнять прекрасный мир живой душой,—

Ужели ты его не понимаешь?

Г р е т х е н

Конечно, друг мой, хорошо оно.

Учился много ты и много знаешь,

Как богом в мире все сотворено,

Как все живет и с целью создавалось

Какой—все знаешь ты. А мне где знать!

Я в простоте родилась, воспиталась...

Любить я знаю, знаю целовать.

VI. Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ (1828—1889)

Рукопись перевода «Бога и баядера» хранится в Доме-музее им. Н. Г. Чернышевского в Саратове и подготовлена к печати В. Каплинским. Согласно указаниям сына писателя—М. Н. Чернышевского, стихотворение нужно датировать 1852 годом. Автограф представляет черновик с пометками, вариантами и вставками. Приводим окончательный текст перевода.

В рецензии на «Собрание чудес, повести, заимствованные из мифологии» Готорна, СПб, 1860 («Современник» 1860 г., № 6) Чернышевский с высокой похвалой отзывался об этой балладе Геге.

[БОГ И БАЯДЕРА]

I

В шестой раз отец творенья,

Магадэва сходит к нам;

Смертных радость и мученье

Да изведает он сам.

Да, как гость земного края,

Сохранит его закон,

И щадя или карая—

Человеком будет он.

И город, как путник, везде обходил он,

На сильных взирал он и слабых хранил он,

И вечером дале пускается в путь.

II

Вот выходит он и вскоре,

Домы крайние пройдя,

Видит он—с огнем во взоре

Сладострастия дитя.

Он сказал ей: «Здравствуй, дева!»—

«Здравствуй, путник! Подожди».—

«Кто же ты?»—«Я—баядера,

Пред тобою дом любви».

Она ударяет в цимбалы и мчится:

Она так искусно, так страстно кружится,

Сгибается, гнется и кажет цветы.